

ТЕМА НОМЕРА

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО В ГЛОБАЛЬНОМ ПОСТМОДЕРНЕ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития

Ссылка для цитирования: *Беляева Л. А.* Цивилизационная гетерогенность России. Собственность в поле цивилизационного развития. 2021. Том 12. № 3. С. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

For citation: Belyaeva L. A. Civilizational heterogeneity of Russia. Property in the field of civilizational development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

**Беляева
Людмила Александровна¹**

¹Институт философии РАН,
Москва, Россия

bela46@mail.ru

AuthorID РИНЦ: 614677

Аннотация. Российская цивилизация рассматривается в статье как социокультурная общность, включающая в себя разные цивилизационные образования, что обуславливает её гетерогенный характер. Индикатором гетерогенности общества является его социальная структурация, в которой присутствуют цивилизационные разломы – такое противостояние отдельных структурных элементов, которое имеет цивилизационный характер. В современной России можно зафиксировать три цивилизационных разлома. Первый из них основывается на существовании в стране разных уровней технико-технологического развития и, соответственно, характера и содержания труда населения. Второй разлом обуславливается материальной дифференциацией общества: от уровня жизни (на пороге и за порогом бедности) до обладания многомиллиардными состояниями, что порождает глубокое различие качества жизни населения, являющегося атрибутивным признаком различных цивилизаций. Третий разлом имеет отношение к исторически сложившемуся неравномерному развитию регионов. Наряду с регионами, вступившими или уже пребывающими на информационной стадии развития (их меньшинство), большая часть регионов находится на индустриальной стадии, а в некоторых ещё превалирует доиндустриальное аграрное общество с устойчивыми традиционными ценностями. Соответственно на просторах России сосуществуют информационная, индустриальная и традиционная субцивилизации. Среди значимых факторов цивилизационного развития рассмотрены отношения собственности. Отношения собственности – это прежде всего экономические и юридические (правовые) отношения. Собственность как социальное отношение несёт в себе исторически обусловленное содержание нормы морали, справедливости, индивидуальной и общественной

пользы, она воплощается не только в юридических формах, но и в обычаях, культурных образцах, привычках, типах мышления и моделях поведения. В России право собственности индивида ориентировалось на «внутреннюю справедливость», соотносимую в общественном и индивидуальном сознании с бытующими представлениями о должном. Тогда как в западной цивилизации закрепился приоритет общественных связей, основанных на утверждённом в законе частном интересе обособленного индивида. Переориентация отношений собственности в России на западную модель, в том числе и на памяти наших современников, не увенчалась успехом в силу традиционно сильных этакратических воздействий, доминирования отношений «власть–собственность».

Ключевые слова: гетерогенная цивилизационная общность, социальная структуризация, цивилизационный разлом, собственность, этапы разгосударствления собственности, земля, власть–собственность

Постановка проблемы

Современная Россия представляет собой гетерогенную общность, в которой регионы, территории, социальные группы различаются по уровню развития, преобладанию трудовых навыков и ценностных ориентаций населения. За этими различиями стоят глубокие социокультурные основания, имеющие цивилизационный характер. Для каждой страны, принадлежащей к той или иной цивилизации как единой социокультурной общности, характерно исторически меняющееся сочетание экономических укладов и уровней технико-технологического развития, которые определяют место страны в системе мирохозяйственных связей, её вписанность в мировой глобальный контекст. Для этого ракурса рассмотрения цивилизаций особенно актуален учёт изменений, преемственности, текучести, которые захватывают не только идентификацию людей с исторически определённой культурой, но и способов включённости больших масс людей в производство, их участие в разделённом труде, их образовательную и профессиональную подготовку и, в конечном итоге, их социальное положение, место в иерархии общества. Изменения в этой сфере составляют те основы, которые обеспечивают цивилизационное развитие общества. Как писал Питирим Сорокин, большинство цивилизаций — это не столько «культурные системы», сколько крупные социальные общности (социальные системы), сложившиеся на основе центрального ядра [28, с. 48–49].

Понятию «цивилизация», на мой взгляд, соответствует трактовка В. Ж. Келле, который видел её как социокультурную систему, включающую в себя материальную и духовную, объективную и субъективную стороны, социальное и культурное начала общественной жизни в их органическом единстве. Келле писал: «Конкретная локальная цивилизация представляет собой способ существования широкой социокультурной общности, обусловленный общественным разделением труда, эконо-

мическими и демографическими факторами и призванный обеспечить сохранение и возможности дальнейшего развития этой общности» [11, с. 368–369]. Эта общность не однородна, она включает разные цивилизационные образования, обуславливающие её гетерогенный характер. Н. И. Лапин, например, говорит о нескольких российских субцивилизациях, подчёркивая при этом, что **каждая из них является частью российской цивилизации (выделено мною – Л. Б.)** [14, с. 68–69].

Гетерогенный характер российской цивилизации проявляется в социальной структуризации общества как индикаторе его цивилизационного состояния, цивилизационной целостности или цивилизационной дифференциации. Я предпочитаю называть эту дифференциацию цивилизационным разломом общества¹. Используя в анализе понятие цивилизационного разлома, есть возможность акцентировать не просто дифференцированность общества, а наличие в нём опасного цивилизационного противостояния отдельных структурных элементов. В современной России можно фиксировать по меньшей мере три цивилизационных разлома. Первый из них основывается на существовании в стране разных уровней технико-технологического развития и, соответственно, характера и содержания труда населения. Если подходить к анализу цивилизационного своеобразия России с учётом существующих технико-технологических укладов, то можно на просторах страны выделить три типа цивилизации: аграрную, промышленную и информационную. Соответственно этим технологическим укладам социальные общности и индивиды в своей трудовой деятельности располагают практическими навыками, профессиональными компетенциями, уровнем образования, социокультурным качеством и образом жизни, особенностями ценностных ориентаций, способами коммуникаций. Вспомним, в связи с этим, что канадский учёный Маршалл Маклюэн считал, что двигателем развития цивилизации служит смена технологий, которая влечёт за собой смену способа коммуникаций [15].

Второй разлом обуславливается материальной дифференциацией общества: от уровня жизни (на пороге и за порогом бедности) до обладания многомиллиардными состояниями, сосредоточившимися за короткий срок в частных руках в основном в результате приватизации государственной собственности. Материальная дифференциация населения формирует глубокое различие качества жизни населения, являющегося атрибутивным признаком различных цивилизаций. В современной России это положение сложилось в результате перераспределения государственной

¹ *Разлом*, в отличие от социокультурного раскола, о котором писал А. С. Ахиезер, видя за ним разные цивилизационные типы внутри общества – традиционный и либеральный, представляет собой такое состояние общества, при котором сосуществуют различные элементы социальных структур и общественных отношений, разделяющих общество вплоть до конфликта между ними, что определяет разный уровень гетерогенного состояния единого цивилизационного типа общества. *Разлом* не столь фатален для общества, длительность его ликвидации несопоставима с ликвидацией социокультурного раскола и может составлять обозримое время, определяемое успешностью внутренней политики страны и имеющимися для этого внутренними и внешними ресурсами.

собственности, на которой основывалась раздаточная, или дистрибутивная экономика советского периода. При переходе к рыночной экономике были нарушены институционный порядок и уравнительное распределение потребительских ресурсов, которые существовали в советское время. Общество перешло от советского типа цивилизации к псевдорыночной постсоветской, т. е. гетерогенному типу цивилизации с сохранением рудиментов советского периода и даже досоциалистических укладов.

Третий разлом имеет отношение к исторически сложившемуся неравномерному развитию регионов. Беспрецедентная протяжённость страны, образовавшаяся в результате присоединения территорий с более низким модернизационным уровнем, иным образом жизни населения, системой национальных и религиозных ценностей, в основном расположенных вблизи границ государства, обуславливает существование нескольких типов субцивилизаций. Если воспользоваться таким апробированным показателем, как индекс модернизации регионов, то можно видеть, что наряду с регионами, вступившими или уже пребывающими на информационной стадии развития (их меньшинство), большая часть регионов находится на индустриальной стадии, а в некоторых ещё превалирует доиндустриальное аграрное общество с устойчивыми традиционными ценностями [24]. В России ещё и сегодня сосуществуют осколки различных цивилизационных эпох, которые вплетены в общественную ткань на отдельных территориях и социальных ареалах. Традиционное, аграрное общество во многих своих чертах сохраняется в тех регионах, где уровень первичной модернизации не перерастал во вторичную модернизацию многие десятилетия советского и ещё более укрепился в постсоветский период (Республики Алтай и Тыва, некоторые регионы Южного и Северо-Кавказского федеральных округов, другие регионы и территории) [2]. Большинство российских регионов находятся на индустриальной стадии развития со средним и высоким уровнем урбанизированности и доминированием индустриального производства, а меньшая часть регионов (Москва, Санкт-Петербург, Московская область, некоторые другие) вступила в информационную стадию. Таким образом можно утверждать, что необходимая стране модернизация будет способствовать её цивилизационному развитию, переходу к современному информационному обществу. Вслед за Н. В. Мотрошиловой, которая соглашается с точкой зрения китайских учёных, говорящих, что «модернизация – один из видов фундаментальных изменений человеческой цивилизации с XVIII в.», можно сказать что это «изменения в деятельности, поведении, процессе, содержании, структуре, системе и самой идее человеческой цивилизации» [16, с. 46]. Цивилизационные изменения следуют за процессами модернизации при новом соотношении традиционных ценностных структур и элементов модернизации.

При наличии отмеченных цивилизационных разломов стране угрожают социальные напряжённости, чреватые латентными и открытыми конфликтами. Сегодня самое острое противостояние сформировано на базе социально-экономических различий по качеству жизни населения,

которое имманентно всем трём разломам: по характеру и содержанию труда, по уровню жизни населения и по модернизационным различиям между регионами.

Что же сегодня скрепляет страну и создаёт возможность единого цивилизационного пространства? Пока «склеивание» на основе идеологии, сформированного общественного самосознания, системы ценностей, по мнению многих экспертов, не является решённой задачей, можно говорить преимущественно о скрепах объективного порядка, в основном институционального характера: единое государство, реализующее свои внутренние и внешние функции; централизованная система управления, право; единая экономическая, военная и социальная инфраструктура, основанная на государственной собственности; хозяйственные связи; единые для страны социальные институты: государственная система образования, здравоохранения, социального обеспечения. Скрепы субъективного порядка (идентификационные составляющие цивилизации: историческая память, единый государственный язык, культура, идентификация со своей страной, социальной общностью, коллективом) находятся в нестабильном состоянии, подвергаются в разной степени деформации, в том числе, вследствие названных выше цивилизационных разломов.

В каком соотношении находится то, что разделяет и что объединяет общество, каковы тенденции изменения этих соотношений? Насколько социальная и экономическая политика государства может способствовать (если действительно может?) сокращению разломов, и как действуют инерционные процессы, зависимость от предшествующей траектории общественного развития? Сейчас инерционность процесса поддерживается пассивным поведением большинства общества, неспособного или незаинтересованного в изменениях. Управляемый процесс сокращения разломов в настоящее время зависит почти исключительно от вмешательства государства, поскольку именно государство при слабости гражданского общества и пассивности индивидов является самым активным актором изменений или стагнации общественного развития. Наряду с отмеченными выше институциональными скрепами, цивилизационным интегратором/дезинтегратором общества выступают политика правящей элиты, если она согласуется/не согласуется с интересами большинства и учитывает/не учитывает интересы меньшинства, и социальная политика государства, способствующая достижению согласия/противостояния внутри общества по основным доминантам развития (образование, здоровье населения, качество жизни, права и свободы человека). Что в российском обществе может способствовать его сплочению, если гражданское общество находится в зачаточном состоянии, очётливо обозначились тенденции индивидуализации сознания и поведения, особенно в молодёжных когортах и некоторых профессиональных (в основном в высококвалифицированных, образованных) группах населения?

Методология исследования

Приблизиться к ответу на поставленные вопросы может помочь анализ российского общества в рамках теории структуризации Энтони Гидденса [9]. Э. Гидденс, предложил использовать термин «структуризация» для анализа социальных отношений в пространстве и времени, для обозначения результата взаимодействия существовавшей прежде социальной структуры с деятельностью актора (индивида, общности, института). В свою очередь, понятие «структура» используется в теории структуризации для обозначения правил и ресурсов, рекурсивно вовлечённых в систему социального воспроизводства; институциональные особенности социальных систем обладают структуральными свойствами в том смысле, что взаимоотношения стабильны и устойчивы во времени и пространстве. С точки зрения теории структуризации, при анализе общества и его элементов нельзя ограничиваться только структурой или составом в определённый момент времени; необходимо изучить, какие общественные процессы вызывали структуризацию общества, какие правила действовали и какие ресурсы вовлечены в тот процесс, который обеспечил систему социального воспроизводства и изменения данной структуры [9, с. 29]. Для такого анализа нужно располагать надёжными сведениями о воспроизводстве в обществе регулярных социальных практик, оказавших своё структурирующее влияние в тот или иной период времени. Материалами для такого анализа в данной статье служат документальные свидетельства, данные официальной статистики и результаты исследований, которые проводились автором и другими учёными и практиками. Модальностью предлагаемого анализа является посыл «есть», а не «должно быть», ибо, как пишет М. Маклюэн, «оценке и терапии должно предшествовать описание и постановка диагноза. Прибегать к моральной оценке вместо диагностики – процедура довольно распространённая, но вряд ли плодотворная» [15, с. 13]. Попробую следовать его совету. В качестве материального и социального ресурса, воздействующего на структуризацию российского общества будет рассмотрена собственность как социальный институт, составляющая основу системы общественных отношений в их цивилизационной определённости.

Собственность как фактор цивилизационного развития. Россия в переходе к постсоциалистической системе собственности

Среди факторов цивилизационного развития России и её разломов важная, если не центральная роль принадлежит отношениям собственности. Собственность – исторически определённый способ присвоения людьми предметов производственного и непроизводственного (личного) потребления. Она связана с вещью (материальной или идеальной) – предметом присвоения, но одновременно представляет

собой и отношение между людьми по поводу вещи [11]. Отношение к вещам выражается через владение, пользование и распоряжение и определяет отношение между людьми, социальными группами по поводу вещей, средств производства и т. д.

Собственность как социальный институт создаёт относительно устойчивые типы и формы отношений в рамках социальной организации общества. Отношения собственности – это прежде всего экономические и юридические (правовые) отношения, т. е. экономические отношения собственности предстают в юридическом облики. Но вместе с тем собственность как социальное отношение несёт в себе такое исторически обусловленное содержание, как нормы морали, справедливости, индивидуальной и общественной пользы, и таким образом она воплощается не только в юридических формах, но и в обычаях, культурных образцах, привычках, типах мышления и моделях поведения.

Как отмечает видный российский юрист С. С. Алексеев, «при развитых общественных отношениях, характерных для вступления человечества в состояние цивилизации и становления демократии, право собственности всё больше утверждается в качестве института цивилизации, строящегося на строго юридических началах, таких как закрепление тех или иных прав, тем более «полных», «абсолютных», в официальных, признаваемых в обществе источниках (законах, иных нормативных правовых актах) ... Такого рода подчинение собственности строго юридическим началам означает ... *оцивилизацию собственности* и одновременно включение её в качестве одного из мощных факторов экономического и социального развития общества» [1, с. 29].

Россия в своём историческом развитии не пошла по пути формального закрепления собственности в частных руках с опорой на юридически-правовые нормы. В основе хозяйствования лежало *условное* владение землёй: дворянам – за царёву службу, крестьянам – за службу помещику. Эту мысль И. В. Киреевского подчёркивает И. Н. Сиземская в своей статье [26]. Следствием было то, что в России право индивида ориентировалось на «внутреннюю справедливость», соотносимую в общественном и индивидуальном сознании с бытующими представлениями о должном. Тогда как в западной цивилизации закрепился приоритет общественных связей, основанных на утверждённом в законе частном интересе обособленного индивида. Переориентация на западную модель отношений собственности претерпела в России с разной степенью успеха несколько попыток, в том числе и на памяти наших современников.

Современные отношения собственности в России прямо влияют на структуризацию общества, его цивилизационное состояние и, кроме того, несмотря на бурную историю страны, несут на себе инерцию общественного развития с зависимым положением человека, находящимся в условиях несвободы. Не углубляясь слишком в историю, а находясь в горизонте с начала XX в. по настоящее время, можно различить узловые события, повлиявшие на изменение структуризации общества. Эти изменения прослеживаются по результатам исследований, проводившихся

учёными и практиками, свидетелями этих изменений. Исследования показывают, что отношения собственности в России претерпевали непрерывные изменения: на одних этапах происходило движение к укреплению частной собственности, на других – эти отношения практически разрушались под напором власти, которая иногда делала послабления, но затем вновь предпринимала радикальные шаги к устранению частной собственности.

Собственность в полном объёме своих специфических качеств – это в основе собственность частная, а субъект собственности может быть представлен частным лицом, государством, группой лиц, смешанным собственником – корпоративным, государственным и частным в разных конфигурациях. Как подчёркивает С. С. Алексеев, не формы собственности, а субъект собственности определяет её функционирование. Он же формирует общие социальные функции собственности, которые наиболее ярко проявляются в обстановке экономической свободы: обладание частной собственностью является мотивационной основой активностей, в том числе творческих поисков; собственность допускает риск в хозяйственной деятельности, который возможен только при отношении к объекту собственности как к своей вещи; существует полная ответственность собственника за результаты использования своего имущества; происходит обратное вложение (инвестирование) результатов деятельности в функционирование собственности. Эти функции частной собственности обуславливают её роль в увеличении материального и интеллектуального богатства общества, но при условии, что собственность существует при безусловном действии законов и нормативных правил. Конечно, такая «чистая» ситуация не часто встречается в жизни, особенно в обществе, в котором происходит ломка общественного устройства, как это было в России в конце XX в.

С окончанием советского периода в истории России произошло несколько волн изменений в отношениях собственности, сопровождавшихся столкновением интересов больших групп людей, коллективов и отдельных индивидов. Этот переходный период, который можно определить как состояние нестабильности, неуверенности, когда будущее неопределённо, продемонстрировал в короткий отрезок времени несколько гипотетических вариантов развития российской цивилизации, связанных с изменениями отношений собственности. По большому счёту происходило противостояние частного интереса, проекта либерального развития по западным «образцам» через обретение частной собственности отдельными социальными группами и индивидами, и слабеющего государства в лице аппарата управления, который лишился инструментов влияния на собственность. Этот вариант связан с безусловным доминированием частной собственности и отношений на её базе. Второй вариант предполагал удержание собственности государством и, соответственно, продолжение развития по социалистическому, или смешанному цивилизационному сценарию. Но реально произошла гибридизация частнособственнических отношений и сохранение госу-

дарственной собственности в различных формах – как напрямую, так и через назначенных от лица государства владельцев и управляющих собственностью.

Кардинальное изменение отношений собственности, начавшееся в России в начале 1990-х гг., означало изменение социально-экономического строя в стране, ликвидацию монополии Коммунистической партии, начало капиталистических преобразований, перехода от плановой к рыночной экономике. Побудительные причины таких изменений лежали в глубоком экономическом кризисе российской экономики, который был вызван резким падением цен на нефть, исчерпанием ресурсов развития в рамках плановой экономики, отсутствием действенных механизмов и стимулов, мотивирующих высокоэффективную работу [6]. Не последнюю роль сыграло наличие активных лоббистов ускоренной приватизации государственной собственности, оказавших влияние на руководство страны. Разгосударствление собственности было определено как ключевая стратегия экономической реформы, позволяющая создать эффективного собственника, действующего в условиях рыночной конкуренции. Такая ориентация была подготовлена предприватизацией собственности в советский период, когда со смягчением политического режима в 60-е гг. XX в. началось формирование *протокласса* крупных собственников, представленных директорами и крупными чиновниками, распорядившимися вверенными им объектами государственной собственности не просто как управленцы, но и как реальные хозяева, осознающие себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами [31, с. 113].

Сама экономическая реформа (90-е гг. XX в.) с самого своего начала напоминала напряжённое противостояние в борьбе за собственность, поглотившее внимание всей страны. В. Бибихин ярко запечатлел этот процесс: «В той войне за собственность, которая сейчас идёт уже по всему пространству в важном смысле ещё не бывшего Советского Союза, – она уже захватила всех так глубоко, до оснований человеческого существа, что гражданская война в виде открытого военного противостояния у нас невозможна, ей некуда вместиться, злости на неё уже не хватит, потому что её не хватает людям на войну за собственность, – люди падают задолго до того, как бросятся друг на друга и незаметно для себя, в раннем начале погони упустив спросить, кто такие они сами, которые её ведут» [8, с. 39–46]. Проводившиеся реформы, не обеспеченные законодательно и не прозрачные для всего общества, якобы предусматривали переход страны на европейский путь развития, вступление в клуб западных стран с рыночной экономикой, частной собственностью и свободной конкуренцией. Но реально произошла концентрация монопольной государственной собственности в частных руках, что лишило основную часть населения, зависящую от бюджетного финансирования, источников средств к существованию, которые обеспечивались за счёт функционирования этой собственности. Ключевые социальные последствия изменений отношений собственности в России

состояли в изменении социальной структуризации общества и углублении социального неравенства; деформации стартовых возможностей и социальных лифтов для людей из разных социальных страт; в утрате социально-политической консолидации в обществе, связанной с представлением о справедливости и законности в перераспределении государственной собственности. Интуитивные предположения людей были впоследствии подтверждены фактическими данными. Действительно, среди российских олигархов конца XX в. более половины были выходцами из советской политической элиты [18, с. 140–146]. До сих пор вмешательство государства в распределение собственности обогащает богатых и приближенных к власти, обедняя бедных.

В истории разгосударствления собственности в постсоветской России выделяются несколько этапов. Начальный, предприватизационный этап (с 1985 г.) начался с создания при государственных предприятиях кооперативов, в которых руководство и члены их семей получили возможность использовать государственную собственность для получения прибыли в личных целях. В рамках официального первого этапа были проведены так называемые малая и чековая приватизации (1992–94). Малая приватизация – продажа предприятий через аукционы позволила приватизировать до 70% предприятий торговли, общественного питания и бытового обслуживания. Чековая приватизация (ваучеризация) крупных и средних предприятий дала преимущества при приватизации предприятий директорам и управленцам, а также теневым структурам, действующим через чековые инвестиционные фонды и использующих близость к организаторам приватизационного процесса. Отсутствие чёткого правового регулирования, открытие рынков капитала привели к перетеканию собственности по криминальным каналам и к выводу активов за рубеж.

Второй этап – с 1995 г. – залоговые аукционы, проведённые с целью пополнения государственной казны за счёт кредитов под залог государственных пакетов акций нескольких крупнейших государственных монопольных компаний. Ведущие предприятия нефте-газового сектора, крупнейшие порты, металлургические предприятия, находящиеся в федеральной собственности, были приватизированы по заниженной цене и положили начало олигархической прослойке в составе предпринимателей. Реализации этого этапа содействовало несколько условий: фактический провал денежной приватизации 1995–96 гг. (прежде всего – отсутствие спроса на большинство продаваемых крупных пакетов акций); совпадение интересов правительства (пополнение доходной части бюджета любыми методами) и ряда банков (захват с минимальными издержками контроля в некоторых промышленных и добывающих корпорациях); наличие огромной задолженности предприятий бюджету и друг другу; развёртывание новой войны за собственность между крупнейшими финансовыми и промышленными группировками России. К началу 1998 г. этот вариант был использован в отношении пакетов акций нефтяных холдингов «ЮКОС», «Сиданко», «Сибнефть», «Сургутнефтегаз»,

«Лукойл», а также РАО «Норильский никель» Перетекание монопольной государственной собственности в частные руки проходило в отсутствие сформированный в стране демократии и верховенства закона. В этих условиях механизм частной собственности с неизбежностью ограничивается государственным произволом и передачей собственности в «свои» руки [23, с. 3–32]. Кроме того, руководство страны было заинтересовано в опоре на ведущие предприятия для сохранения бюджетных доходов и социальной стабильности в стране. Современные события как бы повторяют те сюжеты, которые известны из истории предпринимательства в дореволюционной России, современные события демонстрируют инерцию исторического развития в полной мере. Зафиксировано немало эпизодов противоборства государственных ведомств и лиц, занимающих высокие управленческие посты, и крупных владельцев частной собственности России. Нередко оказывалось, что якобы защищали государственный интерес, а личная выгода становилась приятным бонусом для чиновников. Показательный пример – разорение крупнейшего предпринимателя и мецената России Саввы Мамонтова. Здесь главную роль сыграл министр финансов Сергей Юльевич Витте. В конце XIX в. права Московско-Ярославско-Архангельского общества, которое возглавлял Мамонтов, на принадлежавшую ему железную дорогу от Москвы до Архангельска со всем её имуществом в явное нарушение всегда отстаивавшегося русским правительством принципа неприкосновенности частной собственности были аннулированы, а все акции его были принудительно отчуждены в казну по убыточной для акционеров цене. Мамонтов был разорён, а железную дорогу Пермь — Котлас, важнейшую часть которой как раз и составляла линия Петербург – Вологда — Вятка, в дальнейшем строил родственник жены Витте инженер Быховец, а Архангельско-Ярославской дорогой одно время управлял другой её родственник — врач Леви [13]. После ареста и пребывания Мамонтова в течение нескольких месяцев в тюрьме, его вина не была доказана, но он был полностью разорён и прекратил свою деятельность предпринимателя и мецената.

Третий этап – «точечная приватизация», длящаяся с 1996 г. по настоящее время, отличается продажей государственных и муниципальных предприятий через инвестиционные конкурсы, зачастую далеко не прозрачные, допускающие сговор претендентов. Крупная собственность продается на внутрироссийских и зарубежных биржах. Кроме того, продолжается интенсивная смена собственников в результате рыночных операций продажи, слияния, разделения, выделения объектов собственности, а также ожесточённых акционерных войн. До сих пор практикуется отъём собственности путём прямого рейдерского захвата либо процедуры банкротства в пользу «своих» людей, другие противоправные действия. Все чаще звучат призывы национализации крупной частной собственности.

На всех трёх этапах официальной приватизации отмечается участие в ней криминальных группировок, а также силовых структур, использующих как «мягкие», так «жёсткие» методы вступления в права

собственности. Институциональная неподготовленность реформы собственности в России – это ещё одно свидетельство несвоевременности развития, когда сила общественной инерции, усиленная властным аппаратом, успешно сопротивляется развитию рыночных механизмов.

Потенциал частной собственности как фактор цивилизационного развития страны у основной массы населения России в первые постсоветские годы был практически дискредитирован. Высказывания типа «мы построили бандитский капитализм» были самыми слабыми для выражения отношения к приватизации государственной собственности. Обратим внимание на мнение безусловного сторонника рыночной экономики и частной собственности, видного венгерского экономиста Яноша Корнаи, который писал, что в России все характеристики стратегии ускоренной приватизации «проявились в крайней форме: навязанная стране ваучерная приватизация вкупе с массовыми манипуляциями при передаче собственности в руки менеджеров и приближённых чиновников. В этих условиях произошла не имеющая прецедентов в истории «реформа собственности», в ходе которой природные ресурсы страны, особенно нефть и газ, были фактически экспроприированы «олигархами»¹. Корнаи высказал поддержку стратегии органического, постепенного роста частного сектора, которая была осуществлена, например, в Польше и Венгрии.

К настоящему времени в России сложилась иерархия бизнесов и предприятий по их размерам и роли в экономике. К крупному бизнесу относятся экономические агенты, которые в процессе текущего функционирования оказывают существенное влияние на национальную экономику в целом или, по крайней мере, на некоторые её сектора, существует в четырёх видах: национальная корпорация, интегрированная бизнес-группа, компания и независимое предприятие. Крупный бизнес, как правило, выходит на глобальные рынки, использует ресурсы всемирного хозяйства – финансовые, трудовые, сырьевые. В России основная часть крупного бизнеса базируется на сырьевых ресурсах, извлекает природную ренту, является основным налогоплательщиком и донором остальной экономики. Этот бизнес будет ещё долго оставаться основным спонсором внедрения инноваций не только в своей, но и в других отраслях. Национальные корпорации как часть крупного бизнеса по своей государственной природе стремятся к поддержанию целостности и развитию общества.

Нельзя сказать, что в научном дискурсе проблема участия «групп интересов» в переделе государственной собственности и создании на её основе крупных бизнесов получила адекватное рассмотрение. Исключения составляют немногие работы [3; 18; 19; 20; 21], в основном эта тема представлена в публицистике.

Средние предприятия, наряду с малыми, – это наиболее подвижные и восприимчивые к инновациям субъекты экономики. Малые и микропредприятия выполняют в основном социальную функцию обеспечения

¹ URL: <http://www.r-reforms.ru/kornai.htm> [дата обращения: 10.04.2019].

занятости и предоставления услуг населению¹. В 2018 г. в России было 2 млн 660 тыс. малых и микропредприятий и 13,7 тыс. средних предприятий, в них работали на постоянной основе 10,7 млн и 1,5 млн работников соответственно, что составляло 24,3 и 3,3% в среднесписочном составе всех занятых в экономике России. Казалось бы, малых и средних предприятий в России довольно много, но если посмотреть на тенденции их изменений, то картина не столь радужная. С 2017 по 2018 г. число малых предприятий сократилось на 100 тыс., а во время пандемии ещё больше. Средние предприятия более устойчивы, и за этот период их число выросло на 380 единиц².

Заметим, что по сравнению с другими странами, например, с Китаем и Германией, у нас занятость на малых предприятиях в несколько раз ниже. Основные сферы деятельности малых предприятий – оптовая и розничная торговля, строительство и ремонт, операции с недвижимостью. Быстро стали развиваться в последние годы предприятия в информационной сфере, при производстве компьютеров, электронных и оптических изделий. В этих отраслях удельный вес предприятий, осуществляющих инновации, самый большой. Но для основных, традиционных отраслей, инновации не являются первоочередной задачей.

По опросу предпринимателей, которое проводит Росстат, и по многочисленным социологическим исследованиям, ограничение инвестиционной активности малых предприятий связано в первую очередь с неопределённостью экономической ситуации в стране. Между тем в России есть неплохой потенциал для развития предпринимательской активности. Почти половина респондентов хотели бы работать на себя (быть самозанятыми или открыть собственное дело), для детей этого желают около 60% опрошенных. Всё большая часть общества уходит от надежды и расчёта на патернализм государства, желает активно участвовать в реализации индивидуальных сценариев своей жизни. Особенно это характерно для молодёжи. При таких общественных настроениях становится острой проблемой привлечение квалифицированных наёмных работников даже на высокотехнологичные предприятия. Во многих регионах возник дефицит кадров на рынке труда.

Собственность на землю: немного истории и современность

Особое место в отношениях собственности в России занимает собственность на землю. Можно выделить пять кардинальных изменений в отношениях к земле, произошедших в России за последние

¹ К средним предприятиям относятся имеющие от 101 до 250 сотрудников и доход до 800 млн руб.; к малым – от 16 до 100 сотрудников и доход до 800 млн руб.; микропредприятия располагают сотрудниками до 15 человек и доходом до 120 млн руб.

² Малое и среднее предпринимательство в России. 2019. Стат.сб. М.: Росстат, 2019. С. 12.

160 лет. В соответствии с первой Земельной реформой 1861 г., собственность на землю сохранялась за помещиками, но крестьяне, находившиеся у них в крепостной зависимости, получали юридическую свободу и наделы на условиях последующего выкупа или отработки. По материалам 10-ой народной переписи, проходившей с 1857 по 1859 гг., численность крепостных крестьян в России составляла 23,1 млн душ обоюбого пола, в том числе в Европейской России и в Сибири 22,6 млн. Из 67 млн жителей Империи 34% населения находились в крепостном или несвободном состоянии. Помещичьи крестьяне и дворовые вместе насчитывали 21,9 млн душ, к разным ведомствам относились еще 86,8 тыс., приписанные к заводам и фабрикам – 519 тыс. По 10-й переписи в России было около 107 тыс. помещиков. В некоторых губерниях, в основном в Европейской России, крепостные составляли более 70%, но в Сибири их число было немного более одной тысячной доли населения [12, с. 51, 64, 86].

Хотя крестьянская реформа Александра II не изменила единовременно зависимость крестьян, юридически отменив крепостное право и сделав их свободными, однако она постепенно создала условия для его отмены как социально-экономического института. Община сохранилась и стала выполнять не только свои традиционные функции, но и приобрела функции контроля над крестьянами, которые ранее выполнял помещик. При этом все крестьяне (помещичьи и казённые) оказались в равных правовых условиях, и их жизнь регулировалась одними законами. Это создавало условия для появления разных вариантов производственной деятельности и поведения. Вследствие этих новых условий и под давлением обстоятельств (прежде всего из-за недостатка земли в некоторых губерниях) стал возможен рост рабочего класса, требуемый для развития промышленных предприятий, возникли массовые перемещения из центральной России на Восток страны и на южные окраины. Крестьянская реформа стала катализатором изменения структуры общества, создала предпосылки для его модернизации. Даже при сохранении коллективной общинной собственности вплоть до начала XX в. из деревни начали выделяться активные люди, ищущие новых форм жизни, уходящие постепенно от традиционных корпоративных ценностей деревни, перемещающиеся на Восток страны.

Вообще структура населения России к концу XIX в. стала довольно разнообразной при одновременном сохранении патриархальных, традиционных отношений. Это наглядно демонстрируют материалы первой Всероссийской переписи населения, проведённой в 1897 г. по специально разработанной программе, включавшей 14 вопросов по основным объективным характеристикам населения¹. По данным переписи, в России проживало 125 680 682 чел., на 100 мужчин приходилось 101,05 женщин. Средний возраст составлял 25,16 лет. Домохозяйства в среднем состояли из 5,8 чел., 8,6% домохозяйств пользовались наёмным трудом, при этом

¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведённой 28 января 1897 года: I-II. [Т.] 1 СПб, 1905.

22,3% городских домохозяйств имели прислугу, в том числе в Москве и Санкт-Петербурге 42,4 и 35,4% хозяйств соответственно. На момент переписи в городах проживало только 13% всего населения. Число жителей в четырёх городах – Санкт-Петербурге, Москве, Варшаве и Одессе составляло 3 391 018 чел., или 20,5% всего городского населения Империи. 78,9% населения европейской части Российской империи было неграмотным, при этом неграмотных женщин было в 2,2 раза больше, чем мужчин. Самым крупным городом страны был Санкт-Петербург (1 264 920 жителей). По вероисповеданию население разделялось на следующие группы: православные и старообрядцы – 69,9%, мусульмане – 10,8%, католики – 8,9%, протестанты – 4,8%, иудеи – 4,0%, буддисты – 0,3%. В переписи была зафиксирована структура населения по занятиям: дворяне и чиновники составляли 1,47% по стране, в Москве – 6,59, в Санкт-Петербурге – 9,68%. Лица духовного звания всех христианских исповеданий составляли 0,47%, крестьян было подавляющее большинство – 77,1%, но, как пишут авторы сводного тома по итогам переписи, с учётом казаков, инородцев и части мещан, которые по роду своей деятельности не отличались от крестьян, общая численность лиц, занятых сельскохозяйственным трудом, достигала 90% населения России, а в ряде губерний ещё больше, например, в Вятской – 97,2%.

При такой структуре населения с преобладанием лиц, занятых сельским трудом и проживающих в сельской местности, при значительной связи сельского населения с общиной, небольшой по сравнению с европейскими государствами долей городского населения и малым числом лиц, занятых в промышленности, стране требовалась модернизация, в том числе в отношениях собственности и организации межхозяйственных связей.

Этим задачам отвечала так называемая Столыпинская реформа, которая была направлена на реорганизацию отношений собственности и формирование слоя собственников земли, имеющих перспективу создания крупных фермерских хозяйств. Реформа не затрагивала правового статуса помещичьих земель, её основное содержание было направлено на закрепление права крестьян на выход из общины со своей земельной долей. Но при этом связь с общиной у них не порывалась, отделившийся крестьянин мог пользоваться общинной землёй – пастбищами, лесными угодьями. Реформа позволила части крестьян продать свою землю и купить участок в другом месте, и даже переселиться из центральной России за Урал. За 1906–14 гг. на восток России переселились свыше 3,7 млн чел. на бесплатно выделенные переселенцам земли [25].

Таким образом, земля действительно стала собственностью крестьян. Правда, она не стала частной собственностью – были ограничения по операциям с ней: её можно было продать только представителям крестьянского сословия, нельзя было заложить или подарить. За годы реформ во владении крестьян оказалось 36,7 млн га земли, в том числе к хуторам и отрубам относилось 13,1 млн га. Многие

частные хозяйства успешно развивались, а создание в восточной части страны сельскохозяйственных производств обеспечило продовольственное снабжение России во время Второй мировой войны. Столыпинская реформа закладывала не только возможности для развития крупного сельскохозяйственного производства на *своей* земле, но и создавала предпосылки для становления элементов гражданского общества, которые возможны преимущественно как сфера самопроявления, самоорганизации свободных граждан, имеющих права и обязанности, защищающих свой индивидуальный и корпоративный интерес, создающих для этого общественные организации, взаимодействующие с властью в отстаивании своих прав. Как говорил Столыпин, «поставив на ноги, дав возможность достигнуть хозяйственной самостоятельности многомиллионному сельскому населению» мы заложили то основание, «на котором прочно будет воздвигнуто преобразованное русское государственное здание» [29, с. 62].

После октябрьского переворота 1917 г. первым принятым декретом Советской власти был декрет «О земле», по которому земли помещиков, церквей и монастырей конфисковались. Декретом «О социализации земли» 1918 г. частная собственность на землю отменялась, и земля передавалась трудящимся на началах уравнительного землепользования. Однако по прошествии 10-ти лет, в декабре 1927 г. была принята резолюция XV съезда ВКП(б), который провозгласил «Курс на коллективизацию» и ставил задачи: 1) создать «фабрики зерна и мяса»; 2) обеспечить условия для применения машин, удобрений, новейших агро- и зоотехнических методов производства; 3) высвободить рабочую силу для строек индустриализации; 4) ликвидировать разделение крестьян на бедноту, середняка и кулака. Переход к политике коллективизации начался летом 1929 г., проводился с использованием репрессивных методов, когда около 1 млн семей были высланы в отдалённые районы, часть «кулаков» была арестована и приговорена к смерти. Раскулачивание стало инструментом форсирования коллективизации, подавления сопротивления насильственному обобществлению земли. В результате к 1937 г. 93% крестьянских хозяйств было объединено в 243,7 тыс. колхозов, государственная земля закреплялась за колхозами в вечное пользование [10]. Совхозы создавались на землях из государственных фондов. Частная собственность на землю была практически ликвидирована,

Следующая – пятая за 130 лет реформа по смене формы собственности на землю произошла после распада Советского Союза. В курсе на развитие рыночных отношений нашлось место и для земли. В соответствии со статьями 9 и 36 Конституции РФ, принятой в 1993 г., и введёнными позже поправками, земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории. Земля и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. Это была

уже третья крупная попытка (первые две – реформы 1861 и 1907 гг.) создать на селе частного владельца земли – собственника-хозяина, более эффективного, чем сельская община или коллективные сельскохозяйственные предприятия, созданные в советский период¹. Разделение колхозной и совхозной земли на пай и передача их безвозмездно работникам этих предприятий породило многочисленных номинальных земельных собственников, большинство из которых не смогли организовать на этих землях эффективные хозяйства в силу разных причин; в результате многие земли остались неиспользованными. В последующем часть из них была продана более предприимчивым лицам, другая осталась заброшенной и попала на «серый» земельный рынок. Но важно отметить, что было реализовано право собственности на землю (впрочем, организационно недостаточно хорошо продуманное), которое могло передаваться по наследству, продаваться; появилось и право распоряжения земельной долей: её стало можно внести в уставный капитал сельскохозяйственного предприятия или сдать в аренду как целиком, так и частями. В статье 36 Конституции РФ сказано: «Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю... Владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц»².

Реальность оказалась сложнее либеральной идеи создания эффективного собственника земли по типу западного фермера. Предполагалось, что земля войдёт в свободный рыночный оборот, будет концентрироваться у более успешных земледельцев и позволит нарастить производство сельскохозяйственной продукции. Но оказалось, что значительная часть земли так и не была оформлена в собственность, была брошена на произвол судьбы, поступила в теневой оборот или переоформлена местной властью в статус земель несельскохозяйственного назначения, перепродана по завышенной цене под жилищное и дачное строительство. Не удалось создать массового эффективного фермера. По данным Всероссийской сельскохозяйственной переписи населения 2016 г. (ВСХП) только за 10 лет – с 2006 по 2016 г. число сельскохозяйственных организаций сократилось с 59,2 тыс. до 36,0 тыс., или в 1,6 раза. При этом значительно уменьшилось и число крестьянских, фермерских хозяйств – почти в 2 раза, немного выросла численность индивидуальных предпринимателей и индивидуальных хозяйств населения³. В 2016 г. 23,7% сельскохозяйственных

¹ Указом Президента Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 323 «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР» был установлен срок принятия коллективами сельскохозяйственных организаций решений о переходе к частной, коллективно-долевой и другим формам собственности на землю до 1 марта 1992 г.

² URL: <http://duma.gov.ru/news/48953/>

³ Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: В 8 т. / Федеральная служба гос. статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2018. Т. 1: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года: кн. 1.: Основные итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года по Российской Федерации. С. 13.

организаций, а также 33,9% крестьянских (фермерских) хозяйств не вели свою основную деятельность. В ряде регионов число «заброшенных» хозяйств было ещё больше. Например, в Ханты-Мансийском АО, Московской и Калининградской областях более 50% сельскохозяйственных организаций не осуществляли свою прямую деятельность. В ряде регионов крайне высокая доля «заброшенных» крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств индивидуальных предпринимателей. Например, в Ярославской области доля таких хозяйств достигла 80,7%. Зафиксировано также увеличение числа неиспользуемых личных и других индивидуальных подсобных хозяйств. Причины – низкая рентабельность таких хозяйств, отсутствие необходимого финансирования и технического оснащения. В результате на селе возникло новое социальное явление – массовый наём работников (постоянных и временных) в более успешных частных хозяйствах – фермерских и индивидуальных предпринимателей. По ВСХП в 2016 г. их число (видимо, заниженное по разным причинам такого занижения) составило почти 165 тыс. человек. Вместе с занятыми на крупных предприятиях численность наёмных работников в сельском хозяйстве весьма значительная. Это новая социальная группа на селе, которая в перспективе будет только увеличиваться и создавать новую социальную ситуацию, связанную с тем, что часть этих работников уже сейчас отказывается от ведения личного подсобного хозяйства, а часть пополняет сельский прекариат – слой людей с нестабильной занятостью и низким уровнем жизни. До четверти сельских жителей, по опросу 2015 г., могут быть отнесены к этой категории населения [30, с. 7–33].

Несмотря на сокращение числа фермерских хозяйств и благодаря их укрупнению они стали вносить весомый вклад в производство зерна и семян подсолнечника (32,2% всего объёма производства этих культур). Часть фермерских хозяйств оказалась жизнеспособной в России, особенно в южных регионах.

За годы земельной реформы происходила концентрация земель в крупных хозяйствах. Создаваемые с конца XX в. агрохолдинги и крупные предприятия стали основными владельцами сельскохозяйственных земель в России, получают всемерную поддержку государства, региональных и муниципальных властей, к ним поступают финансовые вливания. Таких преимуществ нет у фермерских и крестьянских хозяйств, поэтому их число сокращается, а сельские территории «опустыниваются» и социально «умирают». Эти процессы идут вразрез с тенденциями в развитых экономиках мира, где фермерские хозяйства преобладают и укрепляют своё взаимодействие с крупными производителями на основе контрактных соглашений.

Таким образом, развитие отношений собственности на землю в России полно противоречий, которые не устраняются властью при помощи политики развития многоукладности в сельском хозяйстве, учитывающем интересы различных групп сельского населе-

ния, в том числе владельцев небольших наделов земли. Государство и местные власти пошли по пути создания и поддержки крупных агрохолдингов (для них уже есть даже название – «олигархозы», предложенное А. Никулиным [17, с. 17–34]. Фермерские и крестьянские хозяйства массово лишены такой поддержки и это ограничивает раскрытие потенциала частного владения землёй, что дополняется наследием десятилетних традиций зависимого «коллективного» хозяйствования в советский период.

Вместо выводов

Цивилизационное развитие России зависит от институциональных преобразований отношений собственности, от установления чётких правовых условий, не ущемляющих интересы частных собственников и ограничивающих внеправовое административное воздействие на них со стороны органов власти. Преобразование отношений собственности оказало большое влияние на возникновение новой социальной структуры населения. Сегодня в России 93,2% официально занятого населения работают по найму, в том числе у юридических лиц 80,1%, у индивидуальных предпринимателей и физических лиц 12,2%)¹. Среди тех, кто работают не по найму (6,8% всех занятых), работодатели (владельцы предприятий) составляют только 1,4%, самозанятые 5%. При этом ещё 20% населения работает в неформальном секторе экономики – в хозяйствах, не оформленных как юридическое лицо. Таким образом, в России одна треть занятого населения не связана с государственной собственностью. Именно частный сектор наполнил рынок для населения товарами – импортными и собственного производства, развил услуги в частном строительстве, отдыхе, туризме, общественном питании и т. д. Даже в деформированном виде частные стимулы развития экономики оказали своё положительное воздействие на удовлетворение потребностей населения.

Общественные настроения по отношению к частной собственности и её владельцам, особенно к тем, кто самостоятельно создали и развивают свой бизнес, заметно изменились в лучшую сторону, особенно у молодёжи, которая наиболее активно создаёт свой бизнес «с нуля», используя знания в информационных технологиях. Например, из 25 самых успешных молодых (до 35 лет) предпринимателей России большинство составляют владельцы онлайн проектов. Молодёжь также составляет большую часть персонала в IT отрасли. Она имеет преимущества в обладании нематериальным капиталом, который приобретает всё больший вес как ресурс построения выгодного бизнеса, более прибыльный, чем обладание материальными вещами. Это происходит и на личностном уровне, и на

¹ Социальное положение и уровень жизни населения России. 2019. Стат. сб. М.: Росстат, 2019. С. 54.

уровне государства, и в межгосударственных отношениях. Происходит неуклонное смещение центра силы общества в постсовременном мире к влиянию нематериальных активов.

Сегодня приватизация государственной и муниципальной собственности затронула все без исключения отрасли экономики. В результате не только в общем числе предприятий, но и в общем объёме производства, а также по численности работников государственная собственность стала уменьшаться. В 2000 г. на долю государственной собственности приходилось 25% основных фондов в экономике, а в 2019 г. только 15% (для сравнения – 91% в 1991 г.). Основная доля инвестиций в основной капитал также приходилась на предприятия частного сектора – 63,3%, в государственную и муниципальную собственность поступало 17,2% всех инвестиций. В частной собственности находилось более 80% от общего числа предприятий, на них в 2019 г. работало 49,3% всех занятых¹. Но почему же при таких масштабах частной собственности слабо проявляется её потенциал?

Ответ на этот вопрос неоднозначен. Во-первых, по мнению некоторых экспертов, размер частной собственности в официальных источниках завышен, к ней относят и те предприятия, в которых есть доля государственного участия. Поэтому говорить о чистоте критерия отнесения предприятия к частной собственности затруднительно. Во-вторых, не все предприятия частного сектора работают в конкурентной среде. Для некоторых создаются более благоприятные условия за счёт включения административного ресурса. В-третьих, низкий технический уровень производств и в частной, и в государственной собственности требует больших инвестиций. Доля инновационных компаний в России составляет менее 1%; на 10 тыс. работников приходится лишь один промышленный робот против 531 в Южной Корее, 176 – в США и 49 – в Китае². В-четвёртых, для частного бизнеса пока не создано гарантий невмешательства в его деятельность и признание его легитимности, чтобы он вкладывал свои средства в инновационное развитие производств. В Конституции России говорится, что «в Российской Федерации признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности». Но в сложившейся в России смешанной форме собственности, соотношение различных её составляющих нельзя признать оптимальным [6]. Дело в том, что не самая эффективная (государственная) форма собственности, доминирует не по количеству предприятий, а по обладанию материальными ресурсами. Реально объекты частной собственности находятся в менее выгодном положении, чем государственные, – по тарифам на услуги, по владению землёй, на которой они расположены, по интенсивности проверок контролирующими органами.

¹ Российский статистический ежегодник. 2020: Стат.сб. М.: Росстат, 2020. С. 119, 198, 314.

² URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/poteryannoe-desyatiletie-rossiyskaya-ekonomika-otstala-ot-mira-v-8-raz-1027547897>

В-пятых, возможности частной собственности ограничены коррупцией. По опросу предпринимателей, проведённому нами¹, самое низкое доверие представители бизнеса испытывают к проверяющим органам и организациям (им доверяют только 16%), для 56% опрошенных коррупция является значительным и очень значительным препятствием для бизнеса. Детализация этого вопроса выявила, что необходимость делать подарки или доплачивать возникает при общении со многими организациями, от которых зависит предприятие. На первых местах по упоминанию были полиция, проверяющие органы и муниципальные чиновники. При этом 40% опрошенных признались, что попадали в ситуацию, когда от них ожидали или требовали взятку при решении проблем их бизнеса. Реальную помощь предприниматели могут получить в основном от финансовых организаций и частных фирм, т. е. от организаций, с которыми у них взаимовыгодные рыночные отношения. Административная помощь доступна только некоторым предпринимателям, которые располагают этим социальным капиталом. При этом власть часто относится к бизнесу, «как к кошельку», 15% компаний убеждены, что власть рассматривает бизнес как питательную среду для коррупции.

В «Прогнозе долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года»², разработанном Минэкономразвития России, намечалось существенно сократить государственный сектор в экономике, ликвидировать большинство государственных корпораций (не осуществляющих деятельность по обеспечению государственных обязательств), реализовать программу приватизации. В общей сложности принятый на 2020–22 гг. план предусматривает приватизацию 293 предприятий, семь из которых крупные, и более одной тысячи объектов другого имущества государственной казны³. Основные задачи – повышение конкуренции, привлечение денег на развитие компаний за счёт снижения доли государства в экономике (при одновременном сохранении контрольного пакета в стратегических предприятиях – до 50% плюс 1 акция),

¹ В 2016 г. опрошено около 100 предпринимателей. Три четверти из них в бизнесе более 5 лет, в равной степени представлены пять основных должностных позиций: (1) владелец фирмы, который не занимается её непосредственным управлением; (2) владелец фирмы и одновременно её директор; (3) наёмный директор фирмы; (4) руководитель структурного подразделения фирмы; (5) индивидуальный предприниматель. Основная часть опрошенных предпринимателей – люди с высшим образованием (68%), со средним профессиональным и средним образованием – по 16%. Это достаточно опытные люди, по возрасту только 20% до 35 лет, остальные 80% старше этого возраста – от 36 до 60 лет. В массиве опрошенных присутствуют представители большинства сфер хозяйства: промышленное и сельскохозяйственное производство, оптовая и розничная торговля, услуги населению – бытовые, туристические, бизнес-услуги, транспорт, строительство, здравоохранение. При этом размер организаций колеблется от менее пяти человек до свыше 250-ти. В выборке представлены все размеры населённых пунктов – от столицы до сельской местности и 6 географических регионов: Центральный, Северо-Западный, Поволжский, Южный, Сибирский и Дальний Восток.

² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_144190/

³ URL: <http://government.ru/docs/38757/>

рост качества корпоративного управления через привлечение частных акционеров. Не второстепенна и задача получения средств в бюджет для выполнения национальных проектов. Можно заключить, что правительством взят курс на приватизацию собственности, но одновременно в обществе происходит усиление централизации власти, растёт контроль за частным бизнесом, появилось желание привлекать его к финансированию (в том числе теневому) политических задач. При этом до сих пор не решены проблемы защиты прав собственности, верховенства закона и конкуренции, борьбы с коррупцией, реинтеграции России в мировую экономику, инвестиций в человеческий капитал. Заметную роль в составе «национально ориентированных элит» играют выходцы из силовых структур, добывающиеся льгот, помощи из бюджета на свои проекты¹.

Таково противоречивое отношение к собственности в России: с одной стороны, провозглашается защита частной собственности, но она функционирует не в конкурентной среде, а под патронатом государства и местных властей, а с другой, – собственник «конструируется» для полного контроля его деятельности и выполнения общегосударственных задач, как их представляет руководство. Как будут развиваться эти процессы, и не окажется ли вновь экономика фактически огосударствлённой и монополизированной со всеми вытекающими отсюда последствиями, о которых не понаслышке знает российское население, многие десятилетия испытывавшее товарный дефицит?

Вместе с тем во всех развитых странах в большей или меньшей степени государственные компании являются как бы страховым базисом для функционирования общества. Например, в Китае по-прежнему доля государства в экономике выше, чем в России, но там активно идёт приватизация. В странах Европы, например, во Франции, доля госсобственности велика, и государство играет огромную роль в инфраструктурных областях: в телекоммуникациях, транспорте и т. д. Совсем иначе устроена экономика США. Здесь морские порты, авиалинии и железные дороги – частные. Производители вооружения – тоже сплошь частные компании, работающие по госзаказу Министерства обороны США. В России разработку, производство и экспорт оружия осуществляет госкорпорация «Ростехнологии»².

В нашей стране эффективность крупных государственных (и с участием государства) предприятий складывается на основе не только экономических показателей, за ними закрепляется роль институтов развития. Наряду с экономической (коммерческой и бюджетной эффективностью) они должны обеспечивать *социальную эффективность* – улучшение среды обитания, в частности, её экологических характеристик, проведение природоохранных мероприятий, обеспечение обороноспособности страны и т. д. [24]. Но как управленец, достигающий высоких экономических результатов,

¹ URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/08/09/808435-20-vladimira-putina>

² URL: <https://www.ipnou.ru/print/010485/>

государство оценивается очень низко большинством экспертов, что объясняется слабостью корпоративного управления в госкомпаниях и недостаточно выраженным частным интересом.

В России к настоящему времени сложился собственный, российский тип смешанной экономики, основанной на крупной частной собственности, аффилированной с властью – общероссийской, региональной и местной. Эта собственность занимает ведущее положения в экономике и участвует в выполнении крупных социальных проектов. В этих условиях интересы управленческой элиты неминуемо выходят на первый план. Возник бюрократический рынок, на котором товаром стали не только вещи, но и престиж, власть, связи. Было положено начало новому этапу формирования в России власти-собственности¹, которая успешно прошла период номенклатурной приватизации, укрепив свои позиции и в собственности, и во власти. Такое объединение функций не способствовало выявлению потенциала частной собственности, появлению эффективного частного собственника, но послужило толчком к глубокой материальной дифференциации общества.

Сегодня эта система предстала как мутированное перерождение советской системы «власть–государственная собственность» в систему «власть–частная собственность». Не произошло отделение властно-государственных функций от технико-экономических, которые должны перейти к частному бизнесу или к управляющим государственной собственностью, действующим в условиях рыночных отношений. Сращивание власти и собственности происходит не только на общероссийском уровне, но и на уровне регионов, муниципальных образований, в отдельных населённых пунктах. Как следствие (это говорят эксперты и данные статистики) эффективность экономики в последние годы снизилась, чему находят объяснение в рассмотренных выше причинах, влияющих на сокращение предпринимательской активности. Социальные последствия сдержанного развития частного бизнеса и его незащищённость от экспроприации проецируются на замедленное формирование среднего класса. Между тем его рост и потребительское поведение, по признанию А. Р. Белоусова, которое он сделал в 2006 г. [5] будут способствовать улучшению системы экономических институтов и усиливать трудовые и предпринимательские мотивации социально-активных слоёв общества. К сожалению, за период, прошедший с того времени, доля среднего класса в России сохраняется на уровне 20–22% от численности взрослого населения. Стагнация численности

¹ Власть-собственность – это собственность, при которой доступ к ресурсу и степень её полноты определяются положением в государственной иерархии. Термин «власть-собственность» был предложен А. Гуревичем для характеристики европейского средневековья (Гуревич А. Я. Избранные труды. В 2 т. Т. 1. Древние германцы. Викинги. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.-СПб., 1999) и лишь затем был использован Л. Васильевым при описании социально-политических и социально-экономических систем Древнего Востока (Васильев Л. С. Восток и Запад в истории (основные параметры проблематики // Альтернативные пути к цивилизации: Кол. монография. М.: 2000. С. 96–114). Сегодня термин широко используется для характеристики советской социально-экономической системы и при анализе современных процессов усиления роли государства в экономике.

среднего класса – свидетельство исчерпания резервов его роста при реализуемом в России курсе развития с недостаточным использованием потенциала частной собственности и частного предпринимательства.

Можно обоснованно предположить, что Россия в очередной раз упустит возможность пройти путь цивилизационного развития по западному типу, которым следовали европейские страны, делая ставку на индивидуальный интерес и частные стимулы, используя частную собственность как фактор инновационного развития и сокращения цивилизационных разломов. «Своя колея», свой путь цивилизационного развития, видимо, суждены России и в будущем.

Библиографический список

1. Алексеев С. С. Право собственности. Проблемы теории. 3-е изд., перераб. и доп. М.: НОРМА, 2008. 240 с.
2. Атлас модернизации России и ее регионов. Социально-экономические и социокультурные тенденции и проблемы / Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин. М.: Весь мир, 2016. 347 с.
3. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. Изд. 2, доп. М.: Московский Общественный Научный Фонд, 2000. 318 с.
4. Барсукова С. Ю., Звягинцев В. И. Земельная реформа в России в 1990–2000-е годы, или Как в ходе ведомственных реорганизаций «реформировали» земельную реформу // Journal of Institutional Studies Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2015. Т. 7. № 2. С. 84–98.
5. Белоусов А. Р. Сценарии экономического развития России на пятнадцатилетнюю перспективу // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С. 53.
6. Беляева Л. А. Отношения собственности в современной России: социальные эффекты и перспективы // Общественные науки и современность. 2017. № 5. С. 31–42.
7. Беляева Л. А. Российская молодежь в эпоху перемен: структурные изменения и новые вызовы социализации // Вопросы философии. 2020. № 10. С. 17–27. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27>
8. Биbihин В. В. Проблема собственности // Гуманитарные науки в России. Психология. Философия. 1996 // URL: http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (дата обращения: 21.05.2020).
9. Гидденс Э. Устроение общества: очерк теории структуризации. 2 изд. М.: Академический проект, 2005. 528 с.
10. Данилов В. Коллективизация. URL: <http://www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html> (дата обращения: 15.02. 2021).
11. Келле В. Ж. Цивилизационный подход и проблемы формирования теории исторического процесса // Вопросы социальной теории. Научный альманах. 2008. Т. II. Вып. 1(2). С. 368–369.
12. Крепостное население в России по 10-й народной переписи. Статистическое исследование А. Тройницкого. СПб.: Стат. отд. Центр. стат. ком., 1861. [2], VIII. 93 с.
13. Крушение Саввы великолепного // Отечественные записки. 2005. № 1 (22). URL: <https://strana-oz.ru/2005/1/> (дата обращения: 10.01.2021).
14. Лапин Н. И. Дистанции между состояниями модернизированной макрорегионов России и их цивилизационные смыслы // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 68–69.
15. Маклюэн Г. М. Галактика Гутенберга. Сотворение человека печатной культуры / Пер. с англ. А. Юдин. Киев: Ника-центр Эльга, 2004. 206 с.
16. Мотрошилова Н. В. Цивилизационный подход в программах модернизационного рывка современного Китая // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 5–16.

17. Никулин А. Олигархоз как преемник постколхоза // Экономическая социология. 2010. Т. 11. № 1. С. 17–34.
18. Нуриев Р. М. Россия: особенности институционального развития. М.: НОРМА, 2009. 448 с.
19. Паппэ Я. Ш. Олигархи. Экономическая хроника 1992–2000. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 232 с.
20. Паппэ Я. Ш., Галухина Я. С. Российский крупный бизнес: первые 15 лет. Экономические хроники 1993–2008 гг. М.: ГУ-ВШЭ, 2009. 424 с.
21. Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семенов И. С. Группы интересов и российское государство. М.: Эдиториал УРСС, 1999. 352 с.
22. Плетников Ю. К. Собственность. Новая философская энциклопедия // Электронная библиотека ИФ РАН. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH593c9d4cb1cc4c7497d259> (дата обращения: 10.01.2021).
23. Радыгин А. Российская приватизация: национальная трагедия или институциональная база постсоветских реформ? // Мир России. 1998. № 3. Т. VII. С. 3–32.
24. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М.: Academia, 2009. 808 с.
25. Рогачевская М. А. П. А. Столыпин: аграрная реформа и Сибирь. URL: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStativ/2002_09/Rogachevaska.htm (дата обращения: 13.02.2021).
26. Сиземская И. Н. «Россия–Европа» в зеркале отечественной философской мысли (первая половина XIX века) // Vox. Философский журнал. Вып. 33. Июнь 2021. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/594/605> (дата обращения: 13.02.2021).
27. Соловьев М. М., Кошкин Л. И. Проблемы оценки эффективности управления государственной собственностью // Менеджмент в России и за рубежом. URL: <https://www.mevriz.ru/articles/2008/4/5214.html> (дата обращения: 22.07.2021).
28. Сорокин П. Общие принципы цивилизационной теории и ее критика // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия / Сост. Б. С. Ерасов. М.: Аспект Пресс, 1999. 556 с.
29. Столыпин П. А. Выступление в Третьей Государственной думе 16 ноября 1907 г. // Избранные выступления П. А. Столыпина в Государственной думе и Государственном совете. 1906–1911 годы / Под ред. С. Е. Нарышкина. М.: Издание Гос. Думы, 2012. С. 60–65.
30. Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. 2018. Т. 27. № 1. С. 7–33. DOI: 10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33
31. Шкаратан О. И. Российский порядок: Вектор перемен. М.: Вита-Пресс, 2004. 208 с.

Статья поступила 19.07.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Беляева Людмила Александровна, доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

Civilizational Heterogeneity of Russia. Property in the Field of Civilizational Development

Lyudmila A. Belyaeva

Institute of Philosophy of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: bela46@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0538-7331

For citation: Belyaeva L. A. Civilizational heterogeneity of Russia. Property in the field of civilizational development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2021. Vol. 12. No. 3. P. 27–53. DOI: 10.19181/vis.2021.12.3.736

Abstract. The article considers the Russian civilization as a socio-cultural community that includes different civilizational formations, the fact that determines its heterogeneous nature. An indicator of the heterogeneity of a society is its social structure, with civilizational rifts present – such an opposition of individual structural elements that has a civilizational character. In modern Russia, three civilizational rifts can be recorded. The first of them is based on the existence in the country of different levels of technical and technological development and, accordingly, of the nature and content of labor of the population. The second rift is due to the material differentiation of the society: from the standard of living (on the threshold and beyond the poverty threshold) to the possession of multibillion fortunes, that leads to a deep difference in the quality of life of the population, that is an attributive feature of various civilizations. The third rift is related to the historically uneven development of the regions. Along with the regions that have entered or are already at the informational stage of development (they are in minority), most of the regions are at the industrial stage, and in some regions, a pre-industrial agrarian society with stable traditional values still prevails. Accordingly, informational, industrial and traditional subcivilizations coexist in the vastness of Russia. Property relations are considered among the significant factors of civilizational development. Property relations are first of all economic and juridical (legal) relations. Property as a social relation carries the historically stipulated content of the moral norms, justice, individual and social benefit. Property is embodied not only in legal forms, but also in customs, cultural patterns, habits, types of thinking and behavioral models. In Russia, the property right of an individual has always been oriented towards “internal justice”, correlated in the public and individual consciousness with the prevailing ideas of the proper. Whereas in Western civilization there has been entrenched the priority of public relations based on the protected by law private interest of an individual. The reorientation of property relations in Russia to the Western model, including in the memory of our contemporaries, has not been a success due to the traditionally strong etacratric influences, the dominance of the “power-property” relationship.

Keywords: heterogeneous civilizational community, social structuring, civilizational rift, property, stages of denationalization of property, land, power-property

References

1. Alekseev S. S. Pravo sobstvennosti. Problemy` teorii. 3-e izd., pererab. i dop. [The right of ownership. Problems of theory. 3rd ed., reprint.] Moscow, Izd. NORMA, 2008: 240 (In Russ.).
2. Atlas modernizacii Rossii i ee regionov. Socialno-ekonomicheskie i sociokulturnye tendencii i problemy [Atlas of modernization of Russia and its regions. socio-economic and socio-cultural trends and problems]. Compiled and edited by N. I. Lapin. Moscow, Ves Mir, 2016: 347 (in Russ.).
3. Afanasyev M. N. Afanas`ev M. N. Klientelizm i rossijskaya gosudarstvennost [Clientelism and Russian Statehood]. 2nd ed., add. Moscow, Moscow Public Scientific Foundation, 2000: 318 (In Russ.).
4. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev V. I. Land reform in Russia in the 1990–2000-ies, or how the land reform was “reformed” during departmental reorganizations. *Journal of Institutional Studies*, 2015: 7: 2: 84–98 (in Russ.).
5. Belousov A. R. Scenarii e`konomicheskogo razvitiya Rossii na pyatnadczatiletnyuyu perspektivu [Scenarios of economic development of Russia for the fifteen-year perspective]. *Problemy prognozirovaniya*, 2006: 1: 53 (in Russ.).
6. Belyaeva L. A. Property relations in modern Russia: social effects and prospects. *Obshhestvennyye nauki i sovremennost*, 2017: 5: 31–42 (in Russ.).
7. Belyaeva L. A. Russian youth in the era of change: structural changes and new challenges of socialization. *Voprosy filosofii*, 2020: 10: 17–27 (in Russ.). DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-10-17-27>
8. Bibikhin V. V. Problema sobstvennosti [The problem of property]. Psychology. Philosophy. Accessed 21.05.2020. URL: http://www.bibikhin.ru/problema_sobstvennosti (in Russ.).
9. Giddens A. The Constitution of Society. Outline of the Theory of Structuration. Moscow, Akademicheskyy project, 2005: 528 (in Russ.).
10. Danilov V. Kollektivizaciya [Collectivization]. Accessed 15.02.2021. URL: www.rus-lib.ru/book/35/16/355-400.html (in Russ.).
11. Kelle V. Zh. Civilizacionny`j podxod i problemy` formirovaniya teorii istoricheskogo processa [Civilizational approach and problems of forming the theory of the historical process]. *Voprosy sotsialnoy teorii. Scientific almanac*, 2008: II: 1 (2): 368–369 (in Russ.).
12. Krepostnoe naselenie v Rossii po 10-j narodnoj perepisi. Statisticheskoe issledovanie A. Trojniczkogo [Serf population in Russia, according to the 10th National Census. Statistical study of A. Troitsky]. St. Petersburg, v tip. Karl Wulf publ, 1861: 93 (in Russ.).

13. Krushenie Savvy velikolepnogo [The Crash of Savva the Magnificent]. *Otechestvennyye zapiski*, 2005. Accessed 10.01.2021. URL: <https://strana-oz.ru/2005/1/> (in Russ.).
14. Lapin N. I. Distance between states of modernization of makroregions of the Russia and their civilizational contexts. *Social Sciences and Modernity*, 2015: 5: 68–69 (in Russ.).
15. McLuhan G. M. The Gutenberg Galaxy. The creation of a human print culture. – Translated from English by A. Yudin. Kiev, Nika-center Elga, 2004: 206 (in Russ.).
16. Motroshilova N. V. The attitude from the point of view of the theory of Civilization in the programs of modernization of modern China. *Voprosy filosofii*, 2012: 6: 5–16 (in Russ.).
17. Nikulin A. Oligarxoz kak preemnik postkolxozza [Oligarchoz as the successor of the post-kolkhoz]. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2010: Vol. 11: 1: 17–34 (in Russ.).
18. Nuriev R. M. Rossiya: osobennosti institucional'nogo razvitiya [Russia: features of institutional development]. Moscow, NORMA, 2009: 448 (in Russ.).
19. Pappé Ya. Sh. Oligarxi. Ekonomicheskaya xronika 1992–2000 [The oligarchs. Economic Chronicle 1992–2000]. Moscow, GU VSHE, 2000: 232 (in Russ.).
20. Pappé Ya. Sh., Galukhina Ya. S. Rossijskij krupnyj biznes: pervye 15 let. Ekonomicheskie xroniki 1993–2008 gg. [Russian big business: the first 15 years. Economic Chronicles 1993–2008]. Moscow, GU VSHE, 2009: 424 (in Russ.).
21. Peregudov S. P. Lapina N. Yu., Semenenko I. S. Gruppy interesov i rossijskoe gosudarstvo [Interest groups and the Russian state]. Moscow, Editorial URSS, 1999: 352 (in Russ.).
22. Pletnikov Yu. K. Sobstvennost. Novaya filosofskaya enciklopediya. [Property. New Philosophical Encyclopedia]. *Electronic Library of the IF RAS*. Accessed 10.01.2021. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH593c9d4cb1cc4c7497d259> (in Russ.).
23. Radygin A. Rossijskaya privatizaciya: nacional'naya tragediya ili institucional'naya baza postsovetских reform? [Russian privatization: a national tragedy or the institutional base of post-Soviet reforms?]. *Mir Rossii*, 1998: VII: 3: 3–32 (in Russ.).
24. Regiony v Rossii: sociokulturnye portrety regionov v obshherossijskom kontekste [Regions of Russia: socio-cultural portraits of regions in the all-Russian context]. Ed. by N. I. Lapin, L. A. Belyaeva. Moscow, AKADEMIA, 2009: 808 (in Russ.).
25. Rogachevskaya M. A. Stolypin P. A.: agrarnaya reforma i Sibir [Stolypin P. A.: agrarian reform and Siberia]. Accessed 13.02.2021. URL: http://econom.nsc.ru/eco/arhiv/ReadStatiy/2002_09/Rogachevska.htm (in Russ.).
26. Sizemskaya I. N. “Russia-Europe” in the mirror of Russian philosophy (the first half of the XIX century). *Vox. Philosophical journal*: 2021: 33: June. Vol. 33. June 2021. Accessed 13.02.2021. URL: <https://vox-journal.org/html/issues/594/605> (in Russ.).
27. Solov'ev M. M. Koshkin L. I. Problemy` ocenki e`ffektivnosti upravleniya gosudarstvennoj sobstvennost`yu [Problems of evaluating the effectiveness of state property management]. *Management in Russia and Abroad*. Accessed 22.07.2021. URL: <https://www.mevriz.ru/articles/2008/4/5214.html> (in Russ.).
28. Sorokin P. Obshhie principy` civilizacionnoj teorii i ee kritika [General principles of civilizational theory and its criticism]. *Sravnitelnoe izuchenie civilizacij. Chrestomatiya / Comp. B. S. Erasov*. Moscow, Aspect Press, 1999: 556 (in Russ.).
29. Stolypin P. A. Vystuplenie v Tretej Gosudarstvennoj dume 16 noyabrya 1907 g. Izbrannyye vystupleniya P. A. Stolypina v Gosudarstvennoj dume i Gosudarstvennom sovete. 1906–1911 [Speech in the Third State Duma on November 16, 1907. Selected speeches of P. A. Stolypin in the State Duma and the State Council. 1906–1911]. Moscow, Izdanie Gos. Dumy, 2012: 62 (in Russ.).
30. Toshchenko Zh., Velikiy P. The Key Meanings of the Lifeworld of Rural Residents in Russia. *Mir Rossii*, 2018: 27: 1: 7–33 (in Russ.).
31. Shkaratan O. I. Rossijskij poryadok: Vektor peremen [Russian Order: Vector of Changes]. Moscow, Vita-Press, 2004: 204 (in Russ.).

The article was submitted on: July 19, 2021

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Lyudmila A. Belyaeva, Leading researcher, doctor of Social Sciences, the Center for the Study of social and cultural changes, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia